

КЭТИ М. ДИ

В ОБЪЯТИЯХ НАВИ.
КОСТЯНОЙ СОСЕД

МРНТ

РФМГ

Кэти Ди

В объятиях Нави.

Костяной сосед

<https://litres.ru/74065474>

SelfPub; 2026

Аннотация

Провалиться сквозь гнилые доски пола в заброшенной таёжной избушке — не самый лучший финал для столичной археологической экспедиции. Но Мирослава и представить не могла, что упадет прямо в Навь — изнаночный мир вечных сумерек, неоновых болот и зловредной нечисти.

Единственное спасение в этой глуши — обосноваться в деревне и принять пост младшей Ягини. Благо, по соседству живет Костя — безупречно красивый, статный и невероятно сексуальный холостяк, который шикарно колет березовые дрова и готов тайно защищать хрупкую городскую девицу от лесных опасностей.

Вот только Мира еще не знает, что под маской заботливого соседа скрывается сам Тёмный Владыка — грозный Кощей Бессмертный.

Сможет ли столичный прагматизм археолога растопить вечную мерзлоту обсидианового замка? И какую цену придется

заплатить, когда древнее Навское пророчество наконец заявит о своих правах?

Содержание

Явь и Навь	5
Глава 1.	6
Глава 2.	12
Глава 3.	19
Глава 4.	25
Глава 5.	35
Мир Нави. Начало истории	42
Глава 6.	42
Глава 7.	53
Глава 8.	63
Глава 9.	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

В объятиях Нави. Костяной сосед

Явь и Навь

«Люди Яви привыкли верить, что под их ногами лишь слои почвы, камни и кости ушедших эпох. Археологи бережно счищают кисточками вековую пыль, пытаясь разгадать тайны прошлого по черепкам глиняной посуды. Они не знают, что за тонкой гранью реальности, прямо под корнями древних лесов, дышит другой мир. Мир Нави.

Там не властно время. Там над серебряными реками кружится сиреневый туман, а столетние дубы шепчут заклинания на забытом языке. Это царство вечных сумерек, где магия осязаема, как прохладный воздух, а сказки обладают плотью, острыми клыками и завораживающей, пугающей красотой. Здесь правит хлад, покой и древние духи. И горе тому живому, кто нарушит этот покой, случайно повернув ключ в потайной двери...»

Глава 1.

В квартире Мирославы пахло лавандовым кондиционером для белья, крепким кофе и особенным, ни на что не похожим духом, который бывает только перед большими путешествиями. Это была уютная однушка, где каждый сантиметр пространства выдавал профессию хозяйки: на полках вместо безделушек теснились увесистые энциклопедии по славянской археологии, осколки старинной керамики (исключительно те, что не представляли музейной ценности), а на стенах висели подробные топографические карты.

Сама Мира стояла посреди комнаты на коленях перед огромным раскрытым чемоданом, яростно пытаюсь застегнуть внутренний ремень. В свои двадцать семь лет она умудрялась выглядеть как студентка-первокурсница. Маленький рост — всего сто пятьдесят девять сантиметров — и хрупкое, худенькое сложение часто заставляли случайных знакомых недооценивать её характер. А характер у Мирославы был кремнёвым. Она тряхнула головой, убирая с лица непослушные пепельные пряди длиной до поясницы, и сердито уставилась на чемодан своими большими, ярко-зелёными глазами.

Смартфон, лежащий на диване на громкой связи, взорвался заливи́стым смехом. На том конце провода была Алина — лучшая подруга, коллега и соратница по несчастью еще

со времен бурной учебы в институте.

— Мирка, ну ты серьезно? — донесся из динамика бодрый голос Алины, сопровождаемый шуршанием пакетов. — Опять укладываешь вещи по методичке шестого века? Брось ты эти походные штаны, мы едем в такую глушь, где нас увидят только вековые дубы и редкие кабаны!

— Кабаны кабанами, а субординацию на раскопе никто не отменял, — пыхтя от усердия, отозвалась Мира, наконец-то защелкнув ремень. — К тому же, в прошлый раз эти твои «легкие шортики» закончились встречей с крапивой в человеческий рост. Напомнить, кто тебе её потом кефиром мазал?

— Ой, всё, не занудствуй! — Алина фыркнула. — В этот раз обещали аномальную жару. Я вот лично упаковала три купальника. И вообще, истинный археолог должен уметь эффектно смотреться с кисточкой в руках и в бикини!

— И с тонной пыли на зубах, — рассмеялась Мира, поднимаясь с колен и потягиваясь. — Представляю этот шикарный кадр для научного журнала.

— Ну а что? Зато загар ляжет идеально. Правда, есть один минус... — Алина заговорщически понизила голос. — Пляжный песок в трусах — это ладно, это классика курортов. А вот наш, родной, археологический песок многовековой выдержки... Представляешь, каково это — вытряхивать из белья культурный слой одиннадцатого века? Это же буквально прикосновение к истории в самых неожиданных ме-

стах!

Мира прыснула от смеха, едва не пролив остывший кофе.

— Боже, Алина! Прекрати. Если профессор услышит твои трактовки «прикосновения к истории», он аннулирует наши дипломы прямо завтра в аэропорту.

— Не аннулирует, мы слишком ценные кадры, — самодовольно заявила подруга. Слышно было, как на её стороне что-то тяжело упало, и Алина тихо ругнулась. — Фух... Ладно, чемодан почти собран. Слушай, Мир, ты вообще осознаешь, куда мы летим? Ребята из разведки прислали координаты. Это же просто отвал башки! Полностью закрытая, заброшенная территория. Там тайное городище, древнее, как сам этот мир. Никаких черных копателей, никаких туристов. Земля там не тронута веками.

Зелёные глаза Миры азартно блеснули. Вся её прагматичность и усталость мгновенно испарились. Именно ради таких моментов они с Алиной когда-то и пошли в археологию, забив на уговоры родителей выбрать *«нормальную женскую профессию»*.

— Да, я смотрела предварительные отчеты, — Мира подошла к столу и провела пальцами по распечатанной спутниковой карте. — Место действительно странное. Словно его кто-то намеренно прятал. Завтра вылет, а у меня внутри всё так и дрожит от предвкушения. Мне кажется, мы найдем там что-то невероятное.

— Найдешь-найдешь, — подмигнула Алина через аудио-

связь. — Как минимум — приключения на свою маленькую пепельную голову. Ладно, подруга, давай спать. Встречаемся завтра в пять утра в терминале. Не проспи!

— Сама не проспи, любительница купальников, — улыбнулась Мира. — До завтра.

Мира отложила телефон на тумбочку и перевела дух. Разговор с Алиной, как всегда, снял лишнее напряжение. Она подошла к чемодану, аккуратно расправила уголки походной куртки, проверила, на месте ли блокноты и любимые археологические кисти, и плавным движением застегнула молнию. Чемодан поддался легко — сказывался многолетний опыт сборов в самые разные экспедиции.

Город за окном постепенно затихал, погружаясь в густые летние сумерки. Мира направилась в ванную. Горячий душ помог смыть усталость и немного унять предвкушение перед завтрашним вылетом. Вытеревшись пушистым полотенцем, она натянула свою любимую пижаму — свободную, из мягкого хлопка нежно-розового цвета — и выключила свет.

Она забралась под прохладное одеяло и закрыла глаза. Однако сон, вопреки усталости, долго не шел. Мысли то и дело возвращались к спутниковым картам, странным координатам заброшенного городища и руинам, которые веками ждали именно их экспедицию. Мира ворочалась с боку на бок, взбивала подушку, считала про себя, но сознание упрямо цеплялось за реальность. Наконец, где-то между двумя и тремя часами ночи, она провалилась в тяжелое, вязкое за-

бытье.

И почти сразу ей начал сниться кошмар.

Сон был странным, липким и пугающе осязаемым. Мире снилось, что она бежит по какому-то фантастическому лесу. Вокруг не было привычных зеленых крон — деревья высились гигантскими угольно-черными столбами, а трава под ногами отливала ядовитым фиолетовым неонem. Воздух вокруг казался ледяным, но сама она буквально горела изнутри.

В этом сне она почему-то пахла... конфетами. Сладкой карамелью, ванилью и ягодным леденцом — так сильно и приторно, что этот запах душил её саму.

Но самое страшное было не это. Из фиолетового тумана, из-за искривленных черных стволов начали появляться фигуры. Это были люди, но какие-то неправильные: слишком бледные, с неестественно яркими глазами и плавными, хищными движениями. Они тянули к ней свои длинные, тонкие руки.

— Живая... Живая кровь... — шелестел их шепот со всех сторон, перекрывая гул ветра. — Как сладко пахнет...

Они бежали за ней толпой, скаля белые зубы. Каждый из них отчаянно пытался догнать её, прикоснуться своими ледяными пальцами к её горячей коже, схватить за края пижамы и просто понюхать этот невероятный, чужеродный для их холодного мира аромат тепла.

Мира задышалась от бега, её маленькие ножки вязли в све-

тящемся мху, а преследователи становились всё ближе и ближе. Самый высокий из них, с грозowymi глазами, чье лицо скрывал морозный туман, протянул руку и почти коснулся её плеча и прошептал "*Моя*"...

Мира тревожно заметалась по кровати. Она жалобно застонала во сне, комкая пальцами простыню. Сердце в её груди бешено колотилось, разгоня горячую кровь, а на лбу выступили мелкие капли пота. Она всё еще спала, но этот сон больше не приносил отдыха, превратившись в душное, пугающее предзнаменование.

Глава 2.

В пять часов утра международный аэропорт Шереметьево напоминал огромный, светящийся улей, который никогда не спит. Повсюду шуршали колесики чемоданов, электронные табло мигали сотнями рейсов, а воздух был пропитан запахом дорогого парфюма и крепкого утреннего эспрессо. Мира стояла у входа в терминал С, сонно моргая своими большими глазами. Кошмар из сна всё еще оставлял на душе странный, тревожный осадок, но реальность быстро брала свое.

Сегодня Мира оделась максимально практично для долгой дороги: на ней была простая, но аккуратная футболка нежно-розового цвета, выгодно оттеняющая её пепельные волосы, и удобные свободные брюки-карго бежевого оттенка. С её ростом она выглядела совсем хрупкой на фоне огромного рюкзака за плечами.

— Мирка-а-а! — звонкий, до боли знакомый голосок заставил её обернуться.

Сквозь толпу пассажиров к ней буквально летела Алина. Подруга, как всегда, умудрялась превращать любое пространство в подиум. Она была чуть выше Миры, с роскошными пшеничными волосами, которые сейчас были небрежно собраны в высокий хвост. Её яркие голубые глаза сияли от восторга. Несмотря на раннее утро, Алина уже всю демонстрировала свой летний гардероб: на ней был надет ко-

роткий трикотажный топ без лямок глубокого шоколадного цвета и дерзкие джинсовые шорты с высокой посадкой и пушистой бахромой по краю.

Девушки с разбегу обнялись, едва не повалив чемодан Миры.

— Ну привет, гроза кабанов и крапивы! — Алина отстранилась, оглядывая подругу с ног до головы. — Слушай, а розовый тебе идет. Прямо такая нежная зефирка. Профессор точно решит, что ты перепутала раскопки с Неделей моды.

— Сама-то хороша, — рассмеялась Мира, легонько толкнув подругу в плечо. — Шоколадный топ? Джинсовые шорты? Алина, мы летим в глухую тайгу, а не на пляжи Сочи. Там комары размером с кулак, они твою бахрому оценят первыми!

— Пускай оценивают, я делюсь красотой с миром! — Алина кокетливо поправила прядь у лица. — К тому же, в самолете обещают кондиционеры, а лететь нам — целую вечность. Ладно, погнали, а то наш рейс ждать не будет.

Подхватив свои чемоданы, подруги направились внутрь терминала. Сначала они подошли к светящимся стойкам саморегистрации, где Мира привычным, четким движением ввела их паспортные данные и распечатала посадочные талоны. Затем они выстроились в очередь на сдачу багажа. Когда чемодан Миры плавно поехал по ленте, на секунду ей стало не по себе — там, среди походной одежды, лежали её любимые инструменты, с которыми она не расставалась ни

в одной экспедиции.

— Прощай, культурный слой одиннадцатого века, встретимся на выдаче, — драматично помахала рукой Алина своему ярко-желтому чемодану.

Следующим этапом был контроль безопасности. Девушки послушно выложили в пластиковые корзины смартфоны, часы и сняли легкие куртки. Мира прошла сквозь рамку металлодетектора без единого писка, а вот Алина, разумеется, зазвенела из-за металлических заклепок на шортах, под подмигивания молодого сотрудника безопасности.

Пройдя все кордоны, они наконец оказались в зоне Duty Free. Времени до посадки оставалось совсем немного, поэтому они лишь перехватили по бутылке воды и направились к нужному гейту.

Посадочный рукав встретил их прохладой. На борту огромного широкофюзеляжного лайнера пахло кожей, пластиком и новой обшивкой. Девушки отыскивали свои места в середине салона — прямо у окна. Мира уступила Алине место у иллюминатора, а сама устроилась в кресле посередине.

Вскоре самолет начал движение. Мощные двигатели взревели, закладывая уши, и тяжелая машина легко оторвалась от взлетной полосы, унося их прочь от привычной жизни. Впереди их ждал огромный маршрут — лететь до конечной точки предстояло около двенадцати часов.

Мира откинулась на спинку кресла и достала из рюкзака блокнот. Алина уже всюду изучала меню развлечений на

встроенном в переднее сиденье экране, параллельно натягивая на глаза маску для сна.

— Двенадцать часов, Мир, — пробормотала Алина, уютно устраиваясь в подушках. — Двенадцать часов до места, которого нет ни на одной туристической карте. Спи, пока дают, в тайге выспимся только на том свете.

Лайнер набрал крейсерскую высоту, и за окном растянулось бескрайнее одеяло из белоснежных облаков, подсвеченных утренним солнцем. Мира и Алина устроились поудобнее, готовые к долгому затворничеству в небе.

Когда бортпроводники раздали бортовые глянцевого журналы, Алина тут же принялась с энтузиазмом их листать, выискивая забавные статьи.

— Так, Мир, смотри, — Алина ткнула пальцем в разворот с рекламой ювелирных украшений. — Тут пишут, что в тренде этого сезона крупные камни и массивные ожерелья. Как думаешь, если мы откопаем какой-нибудь оберег двенадцатого века, мне разрешат носить его на раскопе? Буду самой модной среди местных медведей.

— Думаю, наш профессор лично тебя закопает на месте этого оберега, — усмехнулась Мира, поправляя волосы. — Это государственное достояние, Алин. Твой максимум — сфотографироваться с ним для отчета.

— Ну вот, никакого чувства прекрасного, — притворно вздохнула блондинка. — А вообще, как думаешь, что нас там реально ждет? Вдруг это не просто городище, а забро-

шенное поселение какого-нибудь древнего культа? Приедем, а там круги из камней, мистика, туманы... И местный симпатичный лесничий, который спасет меня от змей. Я уже вижу этот сюжет!

— Твой сюжет обычно заканчивается тем, что ты теряешь сапог в первой же луже, — парировала Мира, но её глаза весело заблестели. — Нас ждет много тяжелой работы, километры недокументированной земли и, надеюсь, целые пласты нетронутой керамики.

Вскоре по салону поплыл аппетитный запах еды. Бортпроводники прикатили тележку, и девушки единогласно выбрали классику — курицу с рисом, к которой прилагались маленькие булочки, кусочек сыра и пирожное.

— Заметь, — Алина подцепила вилкой кусочек курицы, — это последняя нормальная еда на ближайший месяц. Дальше по расписанию — тушенка, гречка и романтика коистра с привкусом дыма. Так что едим и наслаждаемся цивилизацией.

После обеда наступило время традиционного ритуала. Алина достала телефон:

— Мира, подвинься ближе, сделаем селфи для истории! Назовем «Два археолога перед лицом неизвестности».

Они сделали несколько кадров: Алина эффектно позировала, демонстрируя свой шоколадный топ и лучезарную улыбку, а Мира, прильнув к ней, искренне смеялась, отчего её зеленые глаза казались еще ярче. На одном из снимков

они вместе заглядывали в иллюминатор, где внизу, сквозь разрывы облаков, уже тянулись бескрайние, дикие зеленые массивы тайги.

Когда суета в салоне утихла и свет приглушили, девушки достали книги. Алина углубилась в какой-то современный детектив, а Мира открыла увесистый том по славянской мифологии и демонологии, перечитывая главы про хозяев лесов и болот. Строки о том, как древние духи заманивали путников в свои владения, постепенно начали расплываться перед глазами. Усталость и бессонная ночь наконец взяли свое.

Мира отложила книгу, устроилась на плече у Алины, которая к тому времени уже тихо сопела, и закрыла глаза. В этот раз, вопреки её опасениям, сознание не подкинуло ей никаких кошмаров. Никаких фиолетовых лесов, сладких запахов карамели и тянущихся бледных рук. Сон был глубоким, чистым и абсолютно спокойным.

Ей удалось проспать целых пять часов. Когда командир корабля вежливым голосом объявил по громкой связи, что лайнер начинает снижаться, Мира открыла глаза и сладко потянулась. Напряжение, мучившее её всю ночь в московской квартире, полностью исчезло. Она чувствовала себя по-настоящему отдохнувшей, бодрой и готовой к любым трудностям.

— О, проснулась, соня? — Алина, уже успевшая поправить макияж, заглянула ей в лицо. — А мы уже садимся. Смотри, какие там горы и леса! Настоящая дикая глушь.

Самолет плавно пошел на посадку, пробивая плотные слои облаков. Мира смотрела в окно на приближающуюся землю, чувствуя, как внутри разгорается азарт исследователя.

Глава 3.

Аэропорт небольшого приграничного городка встретил девушек оглушительной тишиной после шумной Москвы и звенящей прохладой, которая бывает только вблизи настоящих, нетронутых цивилизацией гор. Воздух здесь был совершенно иным — густым, пахнущим хвоей, мокрой землей и дикими травами. Вокруг, куда ни глянь, до самого горизонта вздымались величественные холмы, покрытые плотным изумрудным ковром вековой тайги, над которой лениво плыли обрывки утреннего тумана.

Стоило Мире и Алине выйти на залитую солнцем площадь перед крошечным зданием вокзала, как к ним тут же направился молодой мужчина. Он выглядел так, словно сошел со страниц глянцевого журнала, посвященного путешествиям: высокий, смуглый, с короткой аккуратной бородкой и невероятно теплыми, почти черными глазами.

— Приветствую прекрасных археологов! — белозубо улыбнулся он. Его голос звучал мягко, с легким, тягучим и очень сексуальным акцентом, неуловимо напоминающим испанский. — Профессор просил меня встретить вас. Давным-давно ждем.

Парень легко, словно они ничего не весили, перехватил тяжелые чемоданы девушек и направился к припаркованному неподалеку потрепанному, но мощному внедорожнику.

Когда пришло время садиться в машину, Алина вдруг резко затормозила у задней двери.

— Ой, Мирка, давай я назад сяду, — громко, с преувеличенным вздохом заявила блондинка. — Меня спереди всегда так укачивает на горных дорогах, просто кошмар!

Но стоило парню отойти к багажнику, как Алина вцепилась в локоть Миры и заговорщически прошептала ей прямо в ухо:

— Подруга, он же просто отвал башки! Запихиваю тебя на переднее сиденье. Ноги в руки, садись и наслаждайся видом. Хоть пообщаешься с породистым мужчиной!

Мира не успела даже возмутиться, как Алина ловко юркнула на заднее сиденье. Закатив глаза, Мира послушно села вперед.

Парень закрыл багажник, запрыгнул на водительское кресло и, повернув ключ в замке зажигания, обернулся к пассажиркам.

— Меня зовут Ильдар, — представился он, сверкнув глазами. — Ну что, поехали в наш лагерь? Готовы к грунтовым дорогам?

Внедорожник тронулся с места, и вскоре ровный асфальт сменился каменистой, ухабистой грунтовкой, петляющей между исполинскими соснами. Алина времени зря не теряла. Из своего «убежища» сзади она тут же засыпала Ильдара вопросами, ловко стреляя глазками через зеркало заднего вида.

— Ильдар, а вы местный? — кокетливо поинтересовалась она, подавшись вперед. — Откуда такой потрясающий акцент? И чем вы занимаетесь в этой глуши? Надеюсь, вы будете работать в нашей группе, а то без вас нам будет скучно!

Ильдар лучезарно улыбался, умело крутя руль на крутых поворотах и то и дело ловя взгляд Алины в зеркале. Он охотно отвечал, шутил в ответ и сыпал комплиментами так естественно, словно делал это всю жизнь.

Мира смотрела в боковое окно на мелькающие деревья и в очередной раз поймала себя на мысли, как же легко Алине дается общение с мужчинами. Подруга флиртowała непри-
нужденно, без задних мыслей и страха. Сама же Мира так не умела. Внутри неё словно стоял невидимый, глухой блок.

Последние отношения Мирославы закончились ровно четыре года назад, оставив после себя выжженное поле и полное недоверие к противоположному полу. Это была классическая, болезненная история первой любви. Они встречались с десятого класса. Родной район, общие друзья, школьные обещания. Мира честно ждала его из армии, считая дни до дембеля. Когда он вернулся, они съехались, начали строить планы на будущее, и Мире казалось, что это навсегда.

Все рухнуло в один абсолютно обычный день. Мира возвращалась от родителей на день раньше, чем планировала. Она хотела сделать сюрприз: купила его любимые пирожные, тихо открыла дверь своим ключом... и застучала его с другой. Самым мерзким было то, что они кувыркались в её соб-

ственной постели, а на спинке стула висел её любимый домашний халат, который чужая девица успела примерить до этого.

Та измена переехала Миру как асфальтовый каток. С тех пор она полностью ушла в учебу, а затем и в археологию. Прошрое городище, древние черепки и раскопки были безопасными — они, в отличие от живых людей, не умели предавать.

— Эй, Мира, ты чего загрустила? — мягкий голос Ильдара вырвал её из невеселых воспоминаний. Он на секунду отвлекся от дороги и тепло посмотрел на неё. — Почти приехали. Вон там, за рекой, уже наш лагерь. Профессор вас заждался.

Мира встряхнула головой, прогоняя призраков прошлого.

Мира мягко улыбнулась Ильдару и перевела взгляд на проплывающий за окном пейзаж. Исполинские сосны-великаны уходили верхушками прямо в пронзительно-синее небо, а воздух казался таким чистым, что кружилась голова.

— Да так, просто вспомнила свою самую первую командировку на раскопки, — соврала она, решив не портить дорожную атмосферу призраками своего прошлого.

Ильдар понимающе кивнул, ловко объезжая очередную выбоину.

— Да, здесь и правда здорово, — отозвался он с улыбкой. — Хотя, признаться, за свои тридцать четыре года я в таких краях бывал всего три раза. И то раньше дальше местных

магазинов не заходил.

Он негромко рассмеялся, и этот смех прозвучал на удивление уютно.

— Здесь уже девять лет живет мой отец. Он-то и рассказал профессору, что можно попробовать покопаться вон в тех краях, — парень коротко указал пальцем в сторону густой чащи, к которой они стремительно приближались.

— Как думаешь, что там может быть? — с любопытством спросила Мира.

— На самом деле, даже не знаю, — честно ответил Ильдар, на секунду нахмурившись. — Но всамой тайге, чуть дальше лагеря, мы уже нашли одну заброшенную постройку. Очень странную. Такое чувство, будто её построили в каком-то другом мире. Но при этом выглядит она так, словно её забросили всего лет тридцать назад.

— Покажешь? — тут же оживилась Алина, мгновенно вынырнув меж кресел и едва не коснувшись плеча водителя.

Мирослава краем глаза заметила, как Ильдар и Алина переглянулись через зеркало заднего вида. Парень ответил блондинке долгим, обволакивающим взглядом, и Мира всё поняла. Алинка явно ему понравилась.

Да и что греха таить — была бы Мира парнем, она бы и сама в Алинку влюбилась. Подруга была невероятной: веселая, легкая на подъем, потрясающе красивая, сексуальная, и при этом в голове у неё точно не было пусто. В отличие от самой Миры.

Мирослава в очередной раз мысленно вздохнула, мимо-летно посмотрев на свое отражение в боковом стекле. На свои двадцать семь лет она по-прежнему была похожа на нескладного подростка. Худенькая, маленькая, никаких соблазнительных округлостей — одни большие зеленые глаза на бледном лице, да пепельные волосы до талии. Обычно парни с ней только дружили. Причем дружили по-настоящему, искренне, воспринимая её как «своего парня», коллегу или надежного товарища, но никак не женщину или хотя бы любовницу.

Вот и здесь — она сидит на самом лучшем переднем сиденье рядом с потрясающим мужчиной, а он всё равно смотрит мимо неё, увлеченный яркой и манкой Алиной.

— Конечно, покажу, — Ильдар тем временем подмигнул Алине в зеркало, отчего блондинка победно улыбнулась. — Вот устроим вас в лагере, и я лично проведу вас к этой загадочной избушке. Профессор как раз просил её осмотреть.

Машина плавно затормозила, преодолев последний ухаб. Впереди, на живописной поляне у бурной горной реки, раскинулся палаточный городок. Из-за главного брезентового тента им навстречу уже спешил улыбающийся профессор, махая рукой. Мира покрепче перехватила ремень своего рюкзака.

Глава 4.

Полевой лагерь экспедиции оказался огромным, живым и удивительно слаженным механизмом. Поляну у подножия холмов пестрила десятками разноцветных палаток, над которыми лениво поднимались сизые струйки дыма от походных кухонь. Повсюду сновали люди: мужчины и женщины всех возрастов в камуфляже и штормовках громко переговаривались, спорили над чертежами, чистили инструменты и таскали тяжелые ящики с оборудованием. Каждая исследовательская группа жила своей обособленной жизнью, у каждого отряда была своя строго очерченная зона ответственности.

Их родная группа под номером восемь, как и ожидали девушки, расположилась на самом отшибе, у самой кромки дикого, глухого леса. Профессор Семен Андреевич всегда отличался нелюдимым характером и искренне ненавидел суету. *«Настоящая наука тишину любит, а не этот ваш цыганский табор»*, — поговаривал он, уводя своих людей подальше от коллег.

Восьмая группа состояла ровно из десяти человек, и каждый здесь был незаменимым винтиком в системе. Трое крепких парней отвечали за тяжелые земляные работы; двое лаборантов с ювелирной точностью обметали и очищали тончайшими кистями каждую найденную мелочь; строгий гео-

дезист чертил карты срезов почвы; хмурый парень с профессиональной зеркальной камерой непрерывно документировал каждый шаг, а опытная женщина-архивариус вела подробный полевой дневник и писала отчеты для министерства. Мире и Алине в этой цепочке отводилась роль главных полевых исследователей — именно их чутье определяло, где именно делать следующий раскоп.

По заведенной еще со студенчества традиции, девушки расположились в отдельных палатках. Мира любила побыть в тишине после тяжелого дня, а Алина частенько засиживалась допоздна со скетчбуком.

Быстро раскидав вещи по спальникам, подруги начали переодеваться в рабочую форму. Археологические комбинезоны из плотной ткани защитного цвета сели идеально. Девушки зашнуровали тяжелые походные ботинки песочного цвета и накинули кепки, чтобы защититься от слепящего таежного солнца. Алина водрузила на нос стильные солнцезащитные очки в массивной коричневой оправе, а Мира выбрала строгие, классические темные очки-авиаторы.

Выйдя из палатки, Алина критически осмотрела подругу, уперев руки в бока:

— Слушай, Мирка... Вот смотришь на тебя — ну вылитая Лара Крофт! Очки, комбинезон, ботинки. Только волосы пепельные, а не каштановые.

— Да уж, Лара Крофт, — иронично хмыкнула Мира, поправляя козырек кепки и заглядывая в свое карманное зер-

кальце. — Только с телом школьницы из старших классов. У Расхитительницы гробниц, помнится, формы были повнушительнее.

Алина залиvisto расхохоталась, и Мира, не выдержав, прыснула вслед за ней. Настроение было отличным, несмотря на дорожную усталость. Подталкивая друг друга локтями, они направились к большому брезентовому тенту столовой, где всюю гремела посудой остальная часть их группы.

— О, а вот и наше пополнение из столицы! — радостно басовито воскликнул профессор, отрываясь от тарелки с дымящимся супом.

Вся группа дружно обернулась. Парни заулыбались, приветственно замахали руками, посыпались искренние походные приветствия. Мира и Алина со всеми поздоровались, обменялись крепкими рукопожатиями и парами дежурных шуток про долгий перелет, после чего с удовольствием опустились на деревянную скамью.

После сытного, пахнущего дымком ужина солнце начало медленно клониться к горизонту, окрашивая верхушки сосен в густой янтарный цвет. Прохлада опускалась на лагерь, и девочки, прихватив свои небольшие рюкзаки, встретились у края поляны с Ильдаром. Тот уже ждал их, закинув руки в карманы куртки и о чем-то весело переговариваясь с Алиной.

Они двинулись в путь. Сначала дорога была легкой — ши-

рокая грунтовая полоса, пылящая под подошвами походных ботинок. Вокруг расстиралось бескрайнее дикое поле, заросшее высокой травой и золотистыми шапками иван-чая. Воздух здесь буквально звенел от стрекота цикад, а легкий ветерок доносил сладкие ароматы нагретой за день земли.

Но вскоре Ильдар свернул в сторону, и поле сменилось полосой густого малинника. Кусты в человеческий рост цеплялись за комбинезоны, Алина то и дело вскрикивала, когда колючие ветки задевали её открытые ноги, а Ильдар галантно придерживал для неё самые крупные побеги. Мира шла чуть позади. На душе у неё с каждым шагом становилось всё страннее. Какое-то глухое, вибрирующее чувство тревоги медленно зарождалось в груди. Ей казалось, что окружающие звуки — птичий щебет, шуршание листьев — постепенно угасают, сменяясь гулкой, неестественной тишиной.

Они осторожно перешли по скользким поросшим мхом камням маленькую, безымянную речушку. Вода в ней была ледяной, прозрачной как стекло, и журчала как-то злое, словно предупреждая: «*Поверни назад*». Сразу за речкой ландшафт резко изменился — они вошли под темные своды древнего леса, и тропинка начала забирать вниз, к глубокому оврагу. Обогнув поваленный ствол ели, троица вышла к небольшому, скрытому от чужих глаз болоту.

И посреди этого унылого, затянутого ряской и редким камышом болотца, на небольшом сухом островке, стояла избушка.

Мира замерла, поправляя пряжи, выбившиеся из-под кепки, и во все глаза уставилась на постройку. Сказать, что домик выглядел странно — не сказать ничего. Он был небольшим, сложенным из потемневших от сырости, почти черных бревен, которые словно впитали в себя холод. Вся крыша, покрытая старой дранкой, густо заросла изумрудным мхом. Одно-единственное крошечное оконце было мутным, покрытым слоем вековой пыли, и смотрело на них как слепой глаз.

Но самое удивительное и пугающее заключалось в другом. Строение казалось невероятно древним, словно стояло здесь сотни лет, но при этом на крыльце висел новенький, едва заржавевший навесной замок, а сами бревна не выглядели сгнившими. Они были сухими, крепкими и словно застывшими во времени. Казалось, избушку покинули всего лет тридцать назад, просто заперев дверь и оставив её гнить посреди топи. От домика веяло могильной прохладой, сыростью и глухим, осязаемым одиночеством.

— Ну как вам? — негромко спросил Ильдар, и его голос в этой тишине прозвучал неожиданно громко. — Я же говорил, странное место. Словно из другого мира сюда провалилось.

Алина поежилась, сильнее кутаясь в ветровку, но её глаза горели любопытством. А вот Мира почувствовала, как волосы на её руках встали дыбом. Сердце в груди вдруг сделало тяжелый, болезненный толчок, словно реагируя на неви-

димый магнит, скрытый за этими черными стенами.

Алина, испуганно пискнув от нахлынувшего чувства жутости, вцепилась в крепкое плечо Ильдара. Она буквально прижалась к нему, пряча лицо от этого тоскливого, темного домика. Мира, обернувшись на шуршание куртки, увидела их спонтанные нежные обнимашки и лишь тихонько вздохнула про себя. Она слегка пожалала плечами под лямками походного рюкзака и решительно отвернулась. На душе у неё, конечно, было и неуютно, и капельку страшновато — от избушки действительно веяло чем-то потусторонним. Но Мира прекрасно понимала: кто разве собирался её саму вот так же обнимать и защищать от страхов? Конечно, никто. Маленькая, худенькая девчонка привыкла справляться со всем сама.

Она упрямо переставила ноги и пошла прямо по узкой сухой косе в сторону дома. В ней проснулся профессиональный, дотошный археолог, который верил: самое интересное всегда скрывается там, куда обычные люди боятся ступить. Древние черные бревна манили её, словно внутри них бился невидимый пульс.

— Мирка, стой! — испуганно окликнула её сзади Алина, её голос эхом разнесся над затихшим неоновым болотом. — Может не надо, а? Давай вернемся и посмотрим потом, завтра, нормально, со всей группой! Да и что может быть интересного в этом разрушенном доме? Гниль одна. Вдруг там балка старая на голову рухнет?

Мира даже не обернулась. Она продолжала уверенно ша-

гать к крыльцу, поправляя козырек кепки.

— Я только посмотрю одним глазком, — негромко, но твердо отозвалась она, бросив фразу через плечо. — Если тебе не любопытно, можешь и дальше сжимать руку своего нового парня. Я быстро.

Сзади воцарилась тишина. Алина от таких слов мгновенно залилась густой краской, густо покраснев до самых кончиков ушей. Она резко, словно обжегшись, отпрянула от Ильдара и принялась судорожно поправлять рукава своей легкой ветровки, уставившись в землю. Ильдар же ничуть не обиделся. Он лишь смущенно, но невероятно обаятельно улыбнулся блондинке, запустив руку в свои темные волосы, и его карие глаза тепло блеснули в сумерках.

А Мира тем временем уже подошла к самому крыльцу. Каждая ступенька под её весом отзывалась глухим, сухим треском. Навесной замок на двери, покрытый тонким слоем рыжей ржавчины, показался ей неестественно тяжелым. Она протянула руку в тонкой походной перчатке и коснулась металла.

Мира коснулась пальцами холодного металла, ожидая, что замок держит дужки, но он неожиданно легко поддался. Присмотревшись, она поняла: он вообще не был закрыт, а просто висел на петлях, создавая видимость преграды. Девушка аккуратно сняла ржавый замок и положила его на деревянные перила крыльца. Каждая секунда промедления казалась ей сейчас лишней.

Она потянула за ручку, и тяжелая, потемневшая от времени дверь с оглушительным, протяжным скрипом приоткрылась внутрь.

В лицо Мире тут же ударил плотный, затхлый воздух. Это была смесь запахов пыли, сырости, застоявшейся болотной воды и каких-то старых, давно высохших степных трав. Избушка внутри встретила её абсолютной, непроглядной темнотой, сквозь которую не пробивался даже вечерний свет угасающего солнца. Из этого черного проема веяло таким сильным холодом, что Мира невольно поежилась в своем комбинезоне.

За спиной послышался встревоженный голос Алины, которая, кажется, сделала шаг вперед, но Мира даже не обернулась. Она упрямо просунула руку в карман брюк, достала свой смартфон и привычным движением включила фонарик.

Яркий, яростный луч белого светодиодного света разрезал темноту избушки, выхватив из мрака летающие в воздухе крупные пылинки и грубые доски пола. Больше не глядя на ребят и не слушая их предостережений, Мирослава сделала решительный шаг вперед и переступила порог, погружаясь в таинственный полумрак заброшенного дома.

Мира плавно повела рукой, и луч фонарика выхватил из темноты внутреннее убранство дома. Пространство внутри оказалось на удивление нетронутым, словно время здесь полностью остановилось. Вдоль крепких бревенчатых стен тянулись широкие деревянные лавки, покрытые толстым

слоем серой пыли. В углу высилась массивная побеленная печь — громоздкая, с глубоким зевом черного чела. Под самым потолком, натянутые на старые веревки, качались почерневшие от времени, хрупкие пучки сухих трав, от которых исходил приторно-горький аромат.

Луч света скользнул дальше, выхватывая массивные дубовые ступы с тяжелыми пестами, старинные деревянные прялки с резными донцами и потемневшие от сырости глиняные кринки на полках. Всё вокруг выглядело в точности так, как в учебниках по истории славянского быта древней Руси.

От обилия поднявшейся в воздух пыли Мира не выдержала и дважды громко чихнула.

— Будь здорова, Мирослава, — шепотом буркнула она сама себе под нос, вытирая ладонью в перчатке кончик носа. — А тут очень даже здорово. И невероятно интересно... Только жутко холодно. И грязно.

Она сделала еще пару шагов, вглядываясь в детали, но с улицы донеслись очередные приглушенные, взволнованные вскрики Алины. Мира нахмурилась. Постоянный писк подруги и её паника ужасно сбивали с рабочего настроения. Логика исследователя подсказывала, что здесь нужно работать в абсолютной тишине, бережно и вдумчиво.

— Ладно, — тихо решила Мира, выключая фонарик. — Я приду сюда позже. Одна. Чтобы никто над ухом не причитал.

Она решительно развернулась, вышла на скрипучее крыльцо и аккуратно повесила ржавый навесной замок об-

ратно на железные петли, вернув домику его прежний заброшенный вид. Больше не глядя на ребят, она закинула лямку рюкзака повыше и уверенно зашагала обратно по тропе в сторону лагеря.

Алина и Ильдар в этот момент так и продолжали милоститься посреди узкой тропинки у болота, тихо переговариваясь и смущенно улыбаясь друг другу. Увидев быстро идущую мимо них подружку, они встрепенулись и поспешили следом, буквально заваливая её вопросами на ходу.

— Мир, ну что там? — Алина догнала её, заглядывая под козырек кепки. — Балки целы? Страшно? Нашла что-нибудь ценное? Ильдар говорит, туда вообще никто годами не заходил!

Мира лишь коротко махнула рукой, даже не сбавляя своего стремительного шага.

— Ничего необычного, — ровным, спокойным голосом отозвалась она. — Просто старый хлам, гниль и тонна пыли. Завтра решим, стоит ли вообще тратить на это время.

Ильдар понимающе хмыкнул, а Алина заметно расслабилась, снова переключая всё свое внимание на смуглого проводника. Мира шла впереди них, глядя на загорающиеся над тайгой первые вечерние звезды. Вслух она напустила на себя полный скепсис, но про себя, глубоко в душе, твердо отметила: там, внутри этой избушки, определенно есть на что полюбоваться. И она туда обязательно вернется.

Глава 5.

Будильник на смартфоне беззвучно завибрировал под подушкой ровно в четыре часа утра. Мира мгновенно открыла глаза, сна не было ни в одном глазу. В лагере восьмой группы царила абсолютная тишина. Сквозь брезент палатки пробивался едва заметный, прохладный синеватый свет — солнце Яви еще даже не думало показываться из-за горизонта, и тайга лишь застыла в ожидании первых лучей рассвета.

Мира действовала стремительно и бесшумно, как заправский лазутчик. Она знала: если проснется Алина, начнется куча лишних вопросов, паника и причитания, которые только сгубят весь рабочий настрой. А если заметит профессор, то точно запретит одиночную вылазку из соображений безопасности.

Спустив ноги со спальника, она натянула плотный походный комбинезон и принялась аккуратно собирать свой рюкзак. Сегодня это была не просто прогулка, а полноценная автономная разведка. Мира подошла к делу с истинно археологической дотошностью.

На дно рюкзака легли два плотных сэндвича с ветчиной и сыром, которые она предусмотрительно собрала еще с вечера в столовой, пара крупных зеленых яблок и две упаковки сладких бисквитных пирожных «Школьное» — её маленькая слабость для быстрого восстановления сил. Большая

пластиковая бутылка со свежей колодезной водой. Профессиональный набор жестких и мягких щеточек разного диаметра для бережной очистки находок от вековой грязи и пыли, а также большая пачка влажных антибактериальных салфеток. Наручные часы в противоударном корпусе, компас, полностью заряженный телефон и мощный запасной внешний аккумулятор.

Помня о пронизывающем холоде и сырости внутри избушки, она упаковала в непромокаемый пакет комплект сухой сменной одежды.

Туго затянув шнуровку ботинок, Мира накинула кепку, закрепила на козырьке темные очки и аккуратно застегнула рюкзак.

Она бесшумно скользнула сквозь молнию палатки наружу. Полевой лагерь спал глубоким, глухим сном. Воздух был леденящим, над рекой густыми клубами вился утренний туман, цепляясь за ветки кустов. На самом краю поляны, в палатке Ильдара, кто-то тихо и мерно храпел. Мира улыбнулась про себя, поправила лямки рюкзака и, не оставив ни записки, ни предупреждения, легкой тенью скрылась за первыми деревьями.

Тайга на рассвете выглядела сказочно и немного зловеще. Птицы еще только робко пробовали голоса, а под ногами хрустели влажные от росы сучья. Мира уверенно шла по вчерашнему маршруту: сначала срезала путь через широкое, тихое поле, затем аккуратно пробралась сквозь колючие за-

росли малинника, где вчера так забавно пищала Алина.

Когда она подошла к маленькой речушке, первые лучи солнца наконец пробили густые кроны деревьев, окрасив воду в нежно-золотой цвет. Мира ловко перепрыгнула по знакомым замшелым камням, преодолела глубокий овраг и вышла к скрытому среди топей болотцу.

Избушка стояла на прежнем месте. В первых лучах рассвета её потемневшие, почти черные бревна и заросшая изумрудным мхом крыша больше не казались такими пугающими, как вчера вечером. Напротив, домик манил её к себе, словно древний сундук с сокровищами, который наконец-то позволили открыть.

Мира подошла к крыльцу, чувствуя, как от предвкушения сладко замирает сердце. Она протянула руку, сняла висящий на петлях замок, толкнула тяжелую скрипучую дверь и решительно шагнула внутрь, навстречу своей судьбе.

Переступив порог избышки, Мира сразу оказалась во власти густой, почти осязаемой темноты. Она аккуратно сбросила с плеч свой тяжелый рюкзак, поставив его у крепкого косяка двери, и расстегнула верхний клапан. Первым делом она достала налобный фонарь. Щелкнув ремешком, Мира закрепила его поверх козырька кепки и нажала на кнопку. Направленный, мощный луч белого света мгновенно разрезал полумрак, заставив пыль закружиться в воздухе. Следом на свет божий появились ее верные рабочие инструменты — набор профессиональных археологических щеточек разного

диаметра.

Сделав глубокий вдох, от которого в легких тут же закололо от сырости и холода, Мирослава огляделась. Теперь, когда над ухом не причитала Алина, можно было приступать к вдумчивому осмотру.

Первым делом её взгляд упал на массивный деревянный стол, стоящий прямо по центру избышки. Столешница, сложенная из широких дубовых досок, от времени потемнела и покрылась глубокими трещинами, забитыми серой пылью. Мира подошла ближе, включила фонарь на максимум и принялась методично сканировать лучом поверхность. Здесь царил потрясающий, застывший беспорядок.

На столе теснилась древняя славянская посуда: пара треснувших глиняных крынок, деревянные резные ложки и глубокая плошка, на дне которой давным-давно высох и превратился в темную корку какой-то отвар. Рядом, прямо на досках, лежали иссушенные временем пучки неизвестных трав — от прикосновения луча света они казались хрупкими, словно истончившийся пергамент.

Но больше всего прагматичного археолога заинтриговали другие предметы. Чуть поодаль на столе были аккуратно, словно по какому-то особому порядку, разложены странные вещицы:

Гладкие речные камушки с выбитыми на них непонятными символами, отдаленно напоминающими защитные обереги. Тонкие деревянные палочки разной длины, перевязан-

ные суровыми нитями. Птичьи перья, странные костяные фигурки и осколки блестящей, похожей на обсидиан породы.

Мира затаила дыхание. Сердце в груди забилось чаще от нахлынувшего интереса исследователя. Она выбрала самую тонкую, мягкую щеточку из своего набора и, аккуратно наклонившись над столом, сделала первое легкое движение, счищая грязь с загадочных камушков. Слои за слоем древние тайны этого места были готовы открыться её цепкому взгляду.

Магия древнего места утянула Миру с головой. Время внутри избушки текло совершенно иначе — оно словно густело, замирая в углах вместе с давнишней пылью. Мирослава так увлеклась работой, что напрочь забыла про свои часы. Очнулась она только тогда, когда в животе требовательно заурчало, а пальцы в перчатках начали неметь от застоявшегося в доме могильного холода.

Она устроилась прямо на краю пыльной лавки, бережно откусила половину сладкого бисквитного пирожного и сделала несколько жадных глотков прохладной воды из бутылки. Вкус ванили и сахара немного вернул её к реальности, но азарт исследователя требовал продолжения.

Убирать кисти она не спешила. Мира расстегнула рюкзак и принялась аккуратно, один за другим, упаковывать свои трофеи. Туда отправились все загадочные камушки с символами, тонкие перевязанные палочки, перья и костяные фигурки. С потемневших деревянных полок в углу она береж-

но сняла пару настоящих сокровищ — старинные металлические колечки, покрытые благородной зеленоватой патиной веков. Но самой трогательной находкой оказался тайник в печурке — небольшом углублении в теле массивной печи. Там, среди старой золы, лежали деревянные детские игрушки: крошечный, грубо вырезанный коник и забавная птичка-свистулька. Кто-то давным-давно делал их вручную, с большой любовью. Мира бережно обернула их влажными салфетками и спрятала в самый надежный карман рюкзака.

Наконец, бросив взгляд на мутное оконце, она поняла, что застряла здесь на добрую половину дня. Пора было возвращаться, пока профессор не поднял на уши весь полевой лагерь.

Мира с трудом накинула потяжелевший рюкзак на плечи, застегнула поясные ремни и еще раз победно обвела лучом налобного фонаря притихшую избушку.

— Ну что, до завтра, — довольно прошептала она сама себе, улыбаясь под козырьком кепки. Находки были просто феноменальными.

Она сделала решительный шаг к выходу. До заветной двери, за которой шумел привычный ветер, оставался всего метр. Но стоило подошве её ботинка опуститься на широкую доску у самого порога, как дерево под ней издало оглушительный, предсмертный треск.

Доски пола мгновенно разошлись в стороны, словно пасть чудовища. Мира даже не успела ничего понять — земляная

опора просто исчезла. С коротким, отчаянным писком от нахлынувшего страха она полетела прямо вниз. В первую секунду её прагматичный мозг еще пытался подсказать логичное объяснение: *«Это просто старое подполье... Ямка под избушкой, сейчас я упаду на лаги или земляной пол»*.

Но падение затянулось. Вместо твердой земли подполья Мира с размаху рухнула в самую настоящую глубокую воду, которая оказалась прямо под полом дома. Всё, что она успела сделать за эту долю секунды — это на инстинктах затаить дыхание и зажмурить глаза.

Перламутровая, ледяная бездна Нави сомкнулась над её головой, утягивая живое, пульсирующее розовым светом сердце вглубь изнаночного мира.

Мир Нави. Начало истории

Глава 6.

Холод. Лютый, пронизывающий до самых костей холод — это было первое, что Мира почувствовала, когда перламутровая толща воды вытолкнула её обратно наверх. Она с трудом вынырнула на поверхность, судорожно, с хрипом хватая ртом воздух. Налобный фонарь на кепке замигал и окончательно погас, но вокруг, вопреки её ожиданиям, не было темно.

Мира ошалело завертела головой, пытаясь проморгаться от жгучей болотной воды. Над ней не было деревянного потолка избушки. Вообще ничего из привычного мира Яви не осталось. Вместо этого её окружал исполинский, нереальный, фантастический лес. Деревья-великаны с угольно-черной корой уходили вершинами в фиолетовое сумеречное небо, а их листья светились мягким лазурным сиянием, отражаясь в зеркальной глади воды.

— Что... где я?.. — простучала зубами Мира.

Она попыталась рвануться к берегу, но тело налилось свинцом. Потяжелевший от намокших вещей рюкзак безжалостно тянул её назад, в глубину бездонного омута. Но самым страшным было другое: на глубине, прямо под водой,

что-то упорно и крепко держало её за щиколотки. Это не было похоже на обычные водоросли. Хватка была ледяной, сильной и гибкой, словно чьи-то длинные, склизкие пальцы вцепились в её ботинки, медленно утягивая обратно на дно.

Паника едва не накрыла Миру с головой, но кремнёвый характер взял верх. Жить хотелось отчаянно.

— Ну уж нет! — прорычала она сквозь стиснутые зубы.

Мира принялась неистово, изо всех сил мотать ногами, пытаясь сбросить этот жуткий подводный плен. Каждый рывок давался с колоссальным трудом, легкие горели от нехватки кислорода, а рюкзак за плечами казался неподъемной скалой. Вода вокруг неё бурлила, расходясь перламутровыми кругами. Чувствуя, что силы на исходе, Мира рванулась вперед и отчаянно вытянула руки к берегу. На её удачу, прямо у кромки воды росла густая, жесткая осока.

Вцепившись в стебли травы игнорируя то, как осока режет ладони даже сквозь походные перчатки, Мира закричала от напряжения. Скрипя зубами и упираясь из последних сил, она сделала мощный, финальный рывок. Подводная хватка на секунду ослабла — видимо, неведомая тварь не ожидала от хрупкой девчонки такого бешеного сопротивления.

С мокрым, тяжелым шлепком Мира буквально вырвалась на свободу, вывалившись грудью на зыбкий, поросший светящимся фиолетовым мхом берег.

Как только Мира прижалась грудью к мягкой траве и влажному мху, пространство вокруг неё содрогнулось. Про-

изошла короткая, ослепительная вспышка — словно мир вокруг мигнул, подчиняясь мощной неведомой магии, и мгновенно переродился.

Вековые сумерки Нави и пугающие черные силуэты исчезли. Местность вокруг вспыхнула яркими, сочными красками: трава налилась сочной зеленью, стволы деревьев покрылись привычной коричневой корой, а само болото запестрело крупными, белоснежными речными кувшинками. Навь искусно спряталась, набросив на себя завораживающий, живой морок.

В ту же секунду из зеркальной глади воды бесшумно выглянула голова. Мира испуганно замерла и затаила дыхание. Это был парень, и он был невероятно, магнетически красив. Его правильные, аристократичные черты лица портили лишь несколько деталей: большие глаза были неестественно круглыми, похожими на лягушачьи, уши имели слегка угловатую, заостренную форму, а меж длинных пальцев рук виднелись тонкие речные перепонки. Но даже это не лишало его дикого, пугающего очарования. Его длинные изумрудно-зеленые волосы мокрыми прядями спускались до самой талии, а на голове величественно покоилась корона, искусно сплетенная из речных кувшинок и водорослей.

Незнакомец плавно, без единого всплеска подплывал к берегу всё ближе и ближе.

— Не дело покидать мой дом без моего веления, раз уж ты оказалась в нём, — прошептал он. Его голос прозвучал

вкрадчиво, с тихим, гипнотическим шёпотом, от которого по телу Миры пробежал мороз.

Дрожа от холода и страха, Мира поползла назад, отталкиваясь руками от зыбкой земли. Но парень не собирался её отпускать. Он приближался с хищной неторопливостью. Когда он вынырнул из воды уже по самый пояс, Мира невольно закусила губу.

Его тело было идеально, атлетически сложено — рельефный пресс, подтянутые мускулы, широкие плечи. Прямо по бледной коже змеились золотистые ветвистые узоры, которые, словно маленькие волшебные фонарики, то и дело таинственно поблескивали на солнце. На широкой груди хозяина болот покоилось массивное, роскошное ожерелье из крупных, необработанных зеленых камней, удивительно напоминающее кольцо из модного журнала Алины. Болотный князь навис над промокшим археологом, отрезая ей все пути к отступлению.

Болотный князь медленно опустился на колени прямо в прибрежную траву, нависая над Мирой. Расстояние между ними сократилось до каких-то сантиметров. Поза получилась максимально интимной, двусмысленной и горячей: промокшая до нитки, хрупкая Мира полулежала на спине, а этот полуголый, атлетически сложенный речной дух практически прижимал её к земле своим мощным телом. От него пахло кувшинками, озерной свежестью и грозой.

Мира сначала оцепенела. Она лежала на траве, тяжело ды-

ша, и во все глаза наблюдала за тем, как капли болотной воды скатываются по его идеальному рельефному прессу, заставляя золотистые узоры на коже вспыхивать ярче. Сердце девушки бешено колотилось в груди, готовое выпрыгнуть от жуткого коктейля из страха и странного, непрошеного эстетического восторга.

Парень слегка наклонил голову, и его длинные изумрудные волосы мазнули по её лицу. Большие лягушачьи глаза изумительно скользили по её фигуре.

— И как же зовут тебя, дитя Яви? — вкрадчиво, с легкой усмешкой протянул он. — Что ты забыла в моих топах? Пришла, как и все остальные смертные девки, просить у Болотного хозяина золотых украшений, богатства да женихов? И... что вообще за странная одежда на тебе надета? Невиданный фасон.

Мира сглотнула, заставив свой прагматичный мозг включиться. Образ «школьницы из старших классов» сейчас играл против неё, но кремнёвый характер и гордость победили страх. *Соберись, Мирослава! Ты взрослая женщина, а не жертва из фильма ужасов.*

Она упрямо вздернула свой аккуратный подбородок, прямо посмотрела в его бездонные черные омуты глаз и ледяным тоном отчеканила:

— Я не знакомлюсь. И твоё болото мне даром не сдалось! Я просто случайно провалилась сквозь старый пол в избушке.

Почувствовав, что к ней возвращается былая уверенность, Мира сама пошла в атаку и буквально завалила хозяйина болот ответными вопросами:

— А теперь ты мне ответь! Кто ты вообще такой? Что это за дикое место, куда делся заброшенный дом, в котором я только что была? И что тебе вообще от меня надо в таком... полуголом виде?!

Болотник от её дерзости даже замер на секунду, а затем его чувственные губы растянулись в искренней, хищной, но очень довольной улыбке. Смертные женщины еще никогда не кричали на него, лежа под ним и требуя одеться. Её живая, горячая смелость пьянила его похлеще болотного дурмана.

Болотник коварно усмехнулся и склонился еще ниже, практически вжимая хрупкое тело Мира в сочную осоку. Нависая над ней всей своей массой, он заставил девушку за- таить дыхание.

— Я князь всех болот в Нави, — вкрадчиво, почти ин- тимно прошептал он, и от его дыхания повеяло прохладой водяных лилий. — Каждая топь, каждый омут здесь принад- лежит мне. Но местные зовут меня просто Болотник. Кому как нравится.

Он медленно протянул руку со странными речными пе- репонками и плавно провел костяшками тыльной стороны пальцев по её бледной щеке. Мира вздрогнула от этого ледя- нящего, но пугающе нежного прикосновения. Болотник на- клонился к самому её уху и шумно втянул аромат у самой

шей, блаженно прикрыв глаза.

— Надо же... Как тепло и сладко. Ты пахнешь живым солнцем, карамелью и ягодами, маленькая смертная.

Его изящные пальцы скользнули ниже, коснувшись пульсирующей вены на шее Миры, где под кожей нежным розовым светом переливалась живая кровь. Болотник снова хищно улыбнулся, глядя ей прямо в глаза:

— Знаешь что? Ты мне нравишься. Пожалуй, я возьму тебя в жены. Будешь Царицей моих топей.

Глаза Миры от такого заявления буквально вытаращились. Чего?! В жены?! К лягушачьему принцу из галлюцинаций?!

Внутренний блок и оскорбленная гордость сработали быстрее страха. Мира уперлась обеими ладонями в его широкую, рельефную грудь. Кожа Болотника оказалась неестественно гладкой, упругой и очень прохладной, словно речной камень. Собрав все свои силы, Мира со всей дури толкнула полуголого духа от себя. Болотник, явно не ожидавший от хрупкой девушки такого отпора, потерял равновесие и с оглушительным всплеском полетел спиной назад, прямо в воду болота, вытаращив глаза от изумления не меньше самой Миры.

Пользуясь моментом, Мира пулей подскочила на ноги. Её ботинки тяжело захлюпали по зыбким болотным кочкам, рюкзак потянул назад, но она упрямо удержала равновесие и отбежала на пару метров к сухому берегу.

— Что еще за Навь?! — яростно прикрикнула она, тяжело дыша и пытаясь унять дрожь в коленях. — Какие еще жены?! Ты кто вообще такой, чучело болотное?!

Она резко схватилась обеими руками за голову, чувствуя, как мокрые волосы липнут к лицу. Мысли путались. Мозг отчаянно цеплялся за логику.

— Так, спокойно... Спокойно! Ты просто сильно удари-лась головой, когда доски провалились, — принялась судорожно твердить она себе под нос, зажмурив глаза. — Это просто сотрясение. Тяжелый бред. Сейчас я открою глаза, очнусь в грязном подвале избушки, Алинка будет меня материть, Ильдар вытащит за руку, и всё будет хорошо...

— Зря ты надеешься на свой подвал, будущая женушка, — раздался совсем близко блестящий иронией голос.

Мира испуганно открыла глаза. Болотник уже снова плавно выходил из воды на берег. Из-за его резкого движения мокрые изумрудные волосы взметнулись, и на свет показался его идеальный, прорисованный до безумия пресс и четкие косые мышцы живота. Мира на секунду зажмурилась, чувствуя, как щеки обжигает густой румянец — ну нельзя же быть настолько безупречно сложенным!

Однако, присмотревшись сквозь щелочки пальцев, она с облегчением поняла, что её воображению не придется играть слишком сильно. На парне всё же была одежда — искусное, плотное подобие походных штанов или набедренной повязки, сотворенное магией из переплетенных речных водорос-

лей, темной осоки и мерцающих стеблей, надежно прикрывающее всё, что требовали приличия.

Он стоял перед ней — молодой, магнетический, опасный и абсолютно реальный. И возвращать Миру в её привычную жизнь он явно не собирался.

Болотник сделал плавный шаг вперед, и его длинные изумрудные волосы качнулись на широких плечах. На его безупречном лице промелькнула тень мимолетной обиды — еще никто во всех мирах не смел называть князя топей «*болотным чучелом*». Но уже в следующую секунду его чувственные губы снова дрогнули, и по лицу расползлась самодовольная, хищная улыбка.

— Чучело? — переспросил он, и в его круглых лягушачьих глазах заплясали опасные огоньки. — Какая дерзкая смертная. Мне даже стало искренне интересно посмотреть, в кого именно ты превратишься, когда проведешь в моем болоте пару веков. Как думаешь? Из тебя выйдет очаровательная склизкая лягушка? Или, может, прекрасная, бледная кувшинка? Я буду лично поливать тебя перламутровой водой каждое утро.

От такого жуткого перечисления перспектив Мира нервно сглотнула и принялась поспешно пятиться назад. Но, увлекшись созерцанием его идеального пресса, она совершенно позабыла смотреть под ноги. Её ботинок зацепился за коварный замшелый холмик. Мира потеряла равновесие, взмахнула руками и уже готова была со всего размаху растянуться

в грязи, как вдруг пространство между ними сократилось в долю секунды.

Болотник молниеносно рванулся вперед и крепко подхватил её за талию, силой прижимая хрупкое тело девушки к себе. Мира испуганно выдохнула, вновь оказавшись в интимной близости от этого существа. Его кожа была прохладной, влажной и пахла речной свежестью. Рюкзак за спиной Мира жалобно звякнул трофеями, а ладони девушки уперлись в его крепкие, рельефные плечи.

— Ну так что, маленькая смертная? — Болотник опалил её шею своим прохладным дыханием, заглядывая прямо в испуганные зеленые глаза. — Готова ли ты прямо сейчас отправиться со мной на самое дно, в мой подводный мир?

Мира от такой близости даже сказать ничего толком не могла — в горле мгновенно пересохло, а язык словно прирос к небу. Она лишь отчаянно и быстро мотнула головой, изо всех сил пытаясь вырваться из стальных объятий этого нереального красавчика. Но Болотник держал намертво, явно наслаждаясь её беспомощностью.

Кое-как проглотив подступивший к горлу ком паники, Мира заставила себя включить излюбленное оружие — сарказм. Если уж погибать в лапах болотного духа, то хотя бы с гордо поднятой головой!

— Послушай, чешуйчатый, — выдавила она из себя кривую усмешку, упрямо вздернув подбородок. — Ты, конечно, парень видный, мускулы там, пресс — все дела... Но я с дет-

ства просто терпеть не могу вонь стоячих болот! У меня на тину аллергия. Да и вообще, мне домой пора, у меня завтра раскопки по графику. Так что, если бы ты проявил мужское благородство и просто ткнул своим перепончатым пальцем в сторону выхода, было бы очень здорово.

Болотник лишь забавным образом приподнял бровь, удивленный её наглостью, а Мира, войдя во вкус, добила его шуткой:

— А еще... мне кажется, из-за твоего дурацкого омута в моих трусах застряла какая-то кувшинка! И мне срочно пора вытащить её на свободу, пока она там корни не пустила. Так что отпусти!

Князь топей от такого пассажира не выдержал и громко, искренне усмехнулся. Её чудная речь и полное отсутствие пикетета перед его величием забавляли его всё сильнее.

— Какая ты забавная, — прошептал он, и его взгляд опустился к её губам.

Болотник медленно наклонился, явно намереваясь запечатать этот дерзкий рот первым поцелуем и окончательно забрать её душу в свои владения. Мира в панике зажмурилась, приготовившись к ледяному прикосновению его губ, как вдруг над тихим болотом раздался тяжелый, уверенный хруст ломающихся веток.

Прямо из-за исполинских черных деревьев на освещенный лазурным светом берег неторопливо вышел загадочный силуэт.

Глава 7.

Из-за черных деревьев на берег болота неторопливо вышла Баба Яга. Вопреки всем сказкам из мира Яви, она оказалась потрясающе красивой молодой девушкой. Высокая, стройная, с длинными, как само черное крыло ворона, волосами, которые густой волной спускались по плечам. Её карие глаза смотрели на мир со смесью древней мудрости и дерзкой иронии. В одной руке она уверенно держала массивный деревянный посох, вершину которого венчал настоящий, тускло светящийся изнутри человеческий череп, а во второй руке небрежно сжимала свежий, ароматный пучок лесных цветов и дурманящих трав.

Увидев Болотника, а в его крепких объятиях — промокшую до нитки девушку со странным рюкзаком за спиной, Яга безглаголиво поморщилась и заметно прибавила шагу.

Князь топей, заметив незваную гостью, демонстративно закатил свои круглые лягушачьи глаза и тяжело, со свистом вздохнул.

— Опять приперлась, старая карга, — недовольно процедил Болотник, даже не думая выпускать девушку из своих рук. — Вечно ты суешь свой нос в чужие омуты.

Яга лишь презрительно фыркнула, поудобнее перехватывая свой посох:

— Старая карга здесь только ты, зеленый. Зубы мне не

заговаривай.

Поняв, что ведьма настроена серьезно, Болотник решил действовать быстро. Он потянул Миру за собой, стремительно опускаясь обратно в перламутровую воду болота. Жидкое серебро уже дошло девушке до пояса. Болотник наклонился к самому её лицу и, заглядывая в душу, еще раз требовательно спросил:

— Ну же, скажи мне, как тебя зовут? Назови свое имя, смертная!

Мира повернулась к нему, словно замороженная. Черные глаза Болотника вдруг жутко и призывно замигали ядовито-желтым светом, гипнотизируя её разум. Мысли археолога мгновенно спутались, губы сами собой приоткрылись, и она уже готова была выдохнуть: «*Мирослава...*»

Но в следующую секунду по её плечу ощутимо и резко прилетело деревянной палкой. Гипноз мгновенно рассеялся. Из уст прекрасной черноволосой девушки вдруг раздался неожиданный, скрипучий и хрипловатый голос самой настоящей, сердитой старушки:

— Не говори этому упырю ничего! — прикрикнула Яга, грозно замахнувшись посохом на Болотника. — Назовешь имя — и он мигом захапает твою душу, вовек из его топей выплыть не сможешь! А ну, плут шелудивый, пусти девку! Ишь какой шустрый нашелся. У тебя и так этих русалок на дне навалом! Сколько там у тебя, дай-ка поди посчитаю?

Яга демонстративно переложила пучок трав подмышку и

начала увлеченно загибать изящные пальцы:

— Уж под триста, думаю, точно наберется! Куда тебе еще одна? Совсем зажрался в тине своей!

Услышав про триста соперниц, Болотник яростно оскаллился, выпуская вперед ровный ряд острых, как иглы, хищных зубов. Мира мгновенно напряглась. Вся романтика и эстетический восторг от его идеального пресса испарились в один миг. Ей стало по-настоящему не по себе в объятиях этого подводного чудовища. Девушка задержалась, панически пытаясь вырваться, и громко запищала прямо ему в ухо, отчаянно упираясь ладонями в его холодные плечи:

— Так, слышь, зеленый! Извини, конечно, но поцелуй отменяется! Мои губы нужны мне самой в целостности и сохранности, не дай бог ты мне их еще откусишь своими иглками! И вообще... я больше наземных парней люблю, понятно тебе?! А не всяких там водяных!

Болотник от такой наглости обиженно рыкнул, обдав её прохладным паром:

— Я не водяной! Я болотный! Это две большие разницы!

Но момент был упущен. Пока князь топей возмущался, Яга ловко подцепила крюком своего посоха ляпку тяжелого рюкзака Мира и с силой рванула девушку на себя. Мира, скользя ботинками по скользкому дну, с громким всплеском вырвалась из ослабших стальных объятий ошарашенного красавчика.

А Яга времени зря не теряла. С криком: «Топись, царь, то-

пись, да больше не явись!» — она со всей дури звонко припечатала Болотника концом своего тяжелого посоха прямо по безупречной изумрудной макушке.

Князь болот, издав нечленораздельный булькающий звук, с размаху ушел под воду, оставив на поверхности лишь кучу перламутровых пузырей и обиженно колышущуюся корону из кувшинок. Мира, тяжело дыша и хлюпая полными воды ботинками, наконец-то оказалась на твердом, сухом берегу рядом со своей неожиданной спасительницей.

Мира тут же подскочила на ноги, отбегая подальше от колышущейся воды. Дыхание со свистом вырывалось из груди. Походные ботинки налились болотной жижей, став невероятно тяжелыми. Поняв, что далеко в таких «кандалах» она не убежит, Мира на ходу расшнуровала их, брезгливо стянула с ног и схватила в руки за задники. Шлепая промокшими носками по мягкому мху, она перевела настороженный взгляд на черноволосую незнакомку.

Девушка-красавица уперлась ладонями в свой массивный посох, с силой воткнув его нижний конец в мягкую землю. Череп на вершине палки тускло мигнул глазницами.

— Как тебя зовут, дитя? — снова прохрипела она тем самым неестественным, старушечьим голосом, контрастирующим с её юным лицом.

Мира испуганно прищурила зеленые глаза, крепче сжимая в руках мокрые ботинки.

— Тоже утащишь куда-то? — попыталась отшутиться ар-

хеолог, хотя колени у неё до сих пор крупно дрожали.

Яга, услышав это, лишь недовольно нахмурилась и презрительно оглядела хрупкую фигуру Миры с ног до головы.

— Даром ты мне, девка костлявая, не сдалась! — фыркнула черноволосая ведьма, забавно кривя губы. — У нас в деревнях такие пышки растут, кровь с молоком! Вот ту да, можно было бы прибрать к хозяйству, пироги печь. А в тебе что? Мяса нет, одни кости да глазищи огромные. А они мне зачем? Разве что из розетки вытащить да в этот вот череп на посохе вставить, чтоб красиво зеленым светом во тьме светились!

Мира от такой кровожадной шуточки мгновенно напугалась. Расширив глаза, она сделала резкий шаг назад, напрочь позабыв, что стоит босиком. Пятка болезненно полоснула по острой, как бритва, прибрежной осоке.

— Ши-и-и... черт! — шикнула Мира, поджимая раненую ногу и едва не теряя равновесие под тяжестью рюкзака.

Яга лишь сокрушенно покачала головой, издав тяжелый вздох.

— Ох, горе ты мое луковое, — проворчала она уже своим нормальным, молодым и звонким девичьим голосом.

В одно мгновение ведьма сократила расстояние между ними. Её движения были такими быстрыми и плавными, что Мира даже пикнуть не успела. Яга крепко схватила девушку за мокрый рукав и решительно поволокла за собой вглубь леса, прочь от болота. Посох с черепом глухо стучал по кор-

ням деревьев.

— И надо же было такому случиться! — в сердцах причитала Яга, на ходу проклиная всё вокруг. — И Болотника этого прыщавого черт принес, и девку эту непутевую прямо мне под ноги швырнуло! Шла себе спокойно, травку целебную собирала... Теперь вот таскайся с тобой вовек, нянчись, суши её, от нечисти прячь! На мою голову свалилась, чучело городское!

Мира, едва успевая переставлять ноги по мягкому, светящемуся лазурным светом мху Нави, лишь молча покорно сменила за своей суровой спасительницей. Спорить с девушкой, у которой в руках была палка с говорящим черепом, археолог посчитала вредным для здоровья.

Яга уверенно шагала вперед, со свистом рассекая воздух своим посохом и на ходу чества весь белый свет. Её ворчание эхом разносилось под лазурными кронами светящихся деревьев:

— Ну что за напасть! Леший обленился, мавки совсем страх потеряли, а Болотник — упырь чешуйчатый, прыщ водяной — вообще решил себе гарем из смертных урезать! Триста русалок ему мало, кобелю перепончатому! И ты хороша, зефирка промокшая! Шла бы себе, куда шла. Нет, надо было именно в его омут сигануть, прямо на кувшинки редкие. Тьфу, пропасть! Тебя теперь отмывай, суши, корми... А если тебя Кощей почует? Всё, пиши пропало, по миру пустит, избушку мою на дрова пустит, а меня — в лягушку

превратит!

Мира, хлюпая мокрыми носками по мху и едва поспевая за ней с тяжелым рюкзаком и ботинками в руках, всё же набралась смелости и громко перебила этот поток красноречия:

— Послушай, прекрасная незнакомка с голосом пенсионерки! Ты можешь нормально сказать: кто ты вообще такая и куда ты меня тащишь?! Мне нужно вернуться обратно к той заброшенной избушке, там мой лагерь, там меня друзья ждут!

Услышав это, черноволосая ведьма резко затормозила и встала как вкопанная. Мира едва не врезалась в её прямую спину. Яга медленно развернулась, и её карие глаза сузились. Резким, плавным движением она притянула хрупкую Миру к себе за рукав комбинезона, заставив девушку затаить дыхание.

В этой интимной близости Мира почувствовала, как от её спасительницы исходит удивительный, густой аромат: пахло свежескошенными целебными травами, горькой полынью, дикой лесной земляникой и чем-то животным, теплым, напоминающим шерстку преданного лесного зверька.

— Вернуться она захотела, — тихо, почти шепотом проговорила девушка, и череп на её посохе согласно мигнул тусклым синеватым светом. — Я — Яга. Ядвига. Баба Яга, если по вашему, по-людски. А тащить мне тебя приходится в безопасное место. Запомни, чудо: той избушки больше нет. Ты

переступила порог Нави.

Яга осторожно огляделась по сторонам, словно высматривая шпионов среди светящихся зарослей папоротника, и заговорила еще тише, обдавая Миру травяным теплом:

— Навь — это изнанка твоего привычного, шумного мира. Мир духов, древней магии и вечного покоя. Здесь не властно время, поэтому мы все вечно молоды и чертовски хороши собой. Чуть дальше, за холмами, есть деревня, там живут души тех, кто ушел из Яви, и редкие колдовские роды. Но такие, как ты — живые, из плоти и горячей крови — здесь огромная редкость. На моей памяти живых сюда не заносило уже несколько веков! Твоё бьющееся сердце для здешней нечисти — как кусок сахара для голодных волков. Если не спрячу тебя прямо сейчас, тебя сожрут, заколдуют или замуж возьмут до того, как луна сделает оборот. Так что закрой рот и шагай за мной, костлявая, пока Кощей не прознал, что в его царстве завелась контрабанда.

Мира испуганно захлопнула рот, чувствуя, как мир археологии с треском рушится.

Они вышли на просторную, скрытую деревьями поляну, и Мира застыла, едва не выронив из рук свои ботинки. Её глаза буквально вытаращились от шока, а в мыслях пронеслась паническая волна самобичевания: *«Ну всё, Мирослава, приплыли. Ты конкретно двинулась кукухой в том подполье. Это уже не просто сотрясение мозга, это шизофрения чистой воды!»*

Прямо перед ними возвышалась самая настоящая Избушка на курьих ножках. Она выглядела в точности как на картинках в детских книжках со сказками, но только живую была в сто раз монументальнее, краше и ухоженнее. Избушка прочно стояла на огромных, покрытых грубой чешуей птичьих лапах, которые лениво переминались с когтя на коготь, приминая светящийся мох.

Вся усадьба была огорожена высоким, кривым забором из переплетенных веток и толстых палок. На колышках забора, словно глиняные чашки, висели старинные кувшины, а рядом с ними скалились настоящие белые черепа — как каких-то лесных животных, так и человеческие. Повсюду на плетнях сушились огромные охапки пахучего сухостоя, связки сморщенных лесных грибов и гроздья диких ягод, источающих приторно-сладкий аромат.

Яга, абсолютно не обращая внимания на ступор своей спутницы, всё так же уверенно тащила её за рукав насквозь сырого комбинезона. Ведьма что-то сердито шипела себе под нос, отпирая деревянную калитку посохом. И стоило им сделать шаг на территорию двора, как забор буквально ожил.

Череп на колышках внезапно дружно распахнули пустые глазницы. Они принялись по очереди загораться изнутри яркими огнями — зеленым, красным, желтым, — мигая в сумерках Нави точь-в-точь как сломавшиеся городские светофоры в час пик.

От этого безумного зрелища Мире стало совсем не по се-

бе. Её тело пробила крупная, неуправляемая дрожь. Челюсть мелко застучала, и девушка уже сама не понимала, отчего её так сильно колотит: то ли от ледяной, облепившей тело мокрой одежды, то ли от дикого первобытного страха перед всеми этими светящимися костями и говорящими ведьмами.

Глава 8.

Избушка внутри оказалась полной противоположностью тому, что Мира ожидала увидеть. Стоило Яге толкнуть тяжелую дубовую дверь, как в лицо девушке ударила волна благодатного, окутывающего тепла. Пространство внутри казалось необъяснимо просторным, гораздо больше, чем избушка выглядела снаружи. В воздухе плыл густой, уютный аромат печного дыма, топленого молока, сушеной черники и воска.

Вместо электрических ламп комнату заливал мягкий, подрагивающий свет десятков толстых восковых свечей, расставленных на полках и массивных сундуках. По углам и под самым потолком ровными рядами висели свежие пучки лесных трав, тихонько шуршащие от легкого сквозняка. У стены уютно устроилась огромная деревянная кровать, застеленная пуховой периной и горой вышитых подушек, а в центре высилась белоснежная, жарко натопленная печь, в недрах которой что-то аппетитно булькало.

— Так, чучело городское, отставить сырость разводить!
— скомандовала Яга, с грохотом водрузив свой посох в угол.
— Живо снимай это свое мокрое непотребство, пока легкие не выплюнула. Заболеть мне тут еще не хватало!

Ведьма решительно подошла к массивному кованому сундуку в углу, с грохотом откинула тяжелую крышку и, немно-

го пошарившись в закромах, выудила оттуда охапку одежды. Она со шлепком бросила вещи на лавку перед Мирой:

— На, натягивай. Чистое, сухое. Сама ткала.

Мира посмотрела на подношение и смутилась. Перед ней лежала длинная, белоснежная льняная рубаша с вышитыми красными нитями оберегами на рукавах и плотный, тяжелый сарафан глубокого брусничного цвета. Дикая смесь прагматизма археолога и девичьей стыдливости заставила её замяться. Переодеваться в славянский исторический костюм посреди неизвестного измерения казалось полным безумием.

— Ну чего застыла, как памятник на площади? — фыркнула Яга, уже всюю гремя глиняной посудой у печи. — Смущаешься, что ли? Да сдались мне твои мослы, я и не такое видала. Переодевайся давай!

Собрав остатки воли в кулак, Мира тяжело вздохнула. Она аккуратно скинула с плеч потяжелевший рюкзак, бережно пристроив его прямо у своих ног — так, чтобы в любой момент можно было дотянуться до находок. Повернувшись к Яге спиной, она дрожащими, замерзшими пальцами принялась стягивать липкий, промокший комбинезон и футболку. Ткань неохотно отлипала от кожи. Натянув сухую, пахнущую лавандой и сухим солнцем льняную рубашу, Мира с облегчением выдохнула — тепло мгновенно начало разливаться по телу. Следом она надела сарафан, который оказался ей слегка великоват, но зато надежно спрятал её хрупкую фигуру.

Яга тем временем шустро накрывала на стол, то и дело поглядывая на гостью. Её ворчливый тон сменился на более спокойный, деловой.

— И всё же, как зовут-то тебя, чудо зефирное? Назовись, мне-то можно, я тебя не обижу, — Яга выставила на стол массивную глиняную миску. — Мне вообще теперь думать надо, как тебя из Нави вышвыривать, пока ты еще дышишь. Это же моя обязанность, чтоб её... Я тут, вообще-то, добрых молодцев в баньке мою, кормлю да души их дальше по пути отправляю, а не девок глупых, любопытных из болот вылавливаю! Навязалась на мою голову...

Она с глухим стуком поставила перед Мирой миску, из которой поднимался одуряюще вкусный, густой пар. Это была похлебка из лесных грибов, кореньев и пряных трав. Рядом опустилась большая кружка, до краев налитая темным, почти черным горячим компотом из диких лесных ягод.

— Ешь давай, — приказала Яга, усаживаясь напротив и подпирая подбородок кулаком. — И рассказывай, как тебя угораздило границы миров протаранить.

Мира, у которой от запаха грибного супа рот мгновенно наполнился слюной, несмело взяла деревянную ложку. Сделав первый глоток, она едва глаза не зажмурила от удовольствия — похлебка была божественной. Чуть согревшись, она тихо заговорила:

— Меня Мирослава зовут. Можно просто Мира... Я археолог. Мы с группой приехали на раскопки древнего горо-

дища. Я нашла в лесу заброшенную избушку, зашла внутрь, чтобы осмотреть старинные вещи... А потом у порога доски треснули, и я полетела вниз. Думала, там обычный погреб. А вынырнула уже в этом вашем болоте у лягушачьего принца.

Мира опустила ложку и потерянно посмотрела на свои чистые, сухие рукава рубахи. Зеленые глаза наполнились тревожной дымкой.

— Я... я до сих пор не верю, что всё это по-настоящему. Мне кажется, я просто сильно ударилась головой при падении. Лежу сейчас там, в той черной дыре под полом избушки, вся переломанная, в отключке... А мой мозг от боли генерирует этот бред с избушками на лапах, говорящими черепами и мускулистыми водяными духами. Вот-вот придет в себя Алина, вызовет спасателей, и я очнусь в больнице под капельницей.

Яга, внимательно слушавшая её, вдруг негромко и искренне рассмеялась. Этот смех прозвучал на удивление молодо и звонко, разогнав остатки могильной жути в углах.

— Ишь, чего выдумала! Капельницы, больницы... — ведьма качнула головой, и её черные волосы блеснули в свете свечей. — Расслабься, Мира. Это самая что ни на есть реальность. Горькая и осязаемая. И не надейся на своих друзей. Они там, в Яви, обыщутся тебя, весь лес перероют, все подполья осмотрят — но ничего не найдут. Даже трупа твоего не откопают, потому что тела твоего в мире живых больше нет. Ты целиком, со всеми своими костями, потрохами и этим

дурацким рюкзаком, провалилась сквозь пространственную прореху. Для них ты просто растворилась в воздухе.

От этих слов у Миры внутри всё похолодело. Деревянная ложка выпала из пальцев, с тихим стуком ударившись о край миски. Она посмотрела на окно, за которым колыхались фиолетовые сумерки Нави, осознавая страшную правду: пути назад, кажется, действительно не было.

Несколько минут в избушке звенела лишь тишина, нарушаемая тихим стуком деревянной ложки о глиняные края миски. Мира ела молча, жадно, чувствуя, как горячая грибная похлебка наконец-то возвращает тепло в её измученное тело. Компот из диких ягод оказался невероятно ароматным — от него приятно покалывало язык.

Яга сидела напротив, подперев кулаком щеку, и с легким прищуром наблюдала за гостьей. Наконец Мира отставила пустую миску, сделала глубокий вдох и прямо посмотрела на ведьму своими большими зелеными глазами.

— Ладно, допустим, я во всё это поверила, — тихо, но твердо произнесла археолог. — Но как мне отсюда выбраться? Должен же быть какой-то способ? И что мне теперь делать?

Яга лишь неопределенно пожала плечами и лениво поправила прядь угольно-черных волос.

— Ой, милая, да я и не упомяну, когда в последний раз живых обратно вышвыривала, — зевнула она. — Обычно ко мне только в один конец шагают. И вообще, ты мне лучше

скажи, чего ты вообще рыскала в том заброшенном доме? Чего тебе в своей Яви спокойно не сиделось?

Эти слова подействовали на Миру как разряд тока. Она мгновенно подскочила из-за стола.

— Как это чего?! Я же говорю — я археолог! — Мира рванулась к двери, подхватила свой тяжелый рюкзак и с глухим, влажным хлопаньем опустила его прямо на лавку рядом со столом. — Я проводила осмотр! И, между прочим, спасла оттуда кое-что ценное.

Мира решительно расстегнула молнию и принялась с до-тошностью исследователя вываливать всё содержимое на деревянную столешницу. Пакет со сменной одеждой она сразу брезгливо бросила на пол — вещи насквозь пропитались болотной жижей и сейчас напоминали бесформенный ком. Пластиковая бутылка с водой оказалась в норме. Следом на стол легли сэндвичи и пирожные «Школьное».

— Еда в полном порядке, — заставила себя пошутить Мира, утерев нос. — Они в вакуумных пакетах на случай тропического ливня, так что культурный слой одиннадцатого века до них не добрался.

Но стоило Мире вытащить со самого дна рюкзака те самые гладкие речные камушки с символами, тонкие перевязанные палочки и птичьи перья, как Яга изменилась в лице. Её карие глаза буквально вытаращились, округлившись от изумления. Ведьма коршуном нависла над столом, сгребая находки своими изящными пальцами прямо себе под нос.

— Да это же мое! — тут же прохрипела она, и из её уст снова неожиданно вырвался жутковатый, надрывный старушачий голос. — Батюшки, обереги мои наносные! Палочки заговорные! Вот же ты молодец, девка! Вот же ты прекрасная моя, да я расцелую тебя прямо в твои зеленые глазищи!

Яга за секунду вернула свой нормальный девичий голос и звонко рассмеялась, бережно перебирая камушки:

— Так вот почему тебя в Навь-то скинуло! Ты мои вещи прихватила, они на твою живую кровь среагировали и потащили за собой, как магнит. Ткань миров в избушке истончилась, вот ты и провалилась. Только водяной прыщ чешуйчатый тебя по дороге перехватил, сладость твоего сердца почуял, кобель болотный... Давненько я этих оберегов не видывала! Так ты, получается, домик мой пограничный нашла? — улыбнулась она, хитро прищурившись. — Ступки там всякие, прялочки старые стояли? Верно ведь? Ну, чавось еще прихватила, вываливай давай, не томи ведьму!

Мира, заразившись её азартом, запустила руку в самый маленький, потайной кармашек рюкзака.

— Ну... еще там были деревянные игрушки в печи, — Мира аккуратно выложила коника и птичку, — и вот это. На полке нашла.

Самым последним на дубовый стол с тихим металлическим звяканьем легло старинное колечко, покрытое благородной зеленой патиной.

В ту же секунду избушка словно замерла. Свечи испуган-

но мигнули, а Яга, едва взглянув на кольцо, резко отпрянула от стола и грязно, по-настоящему сочно выругалась на каком-то древнем славянском наречии.

— А вот это ты зря, Мирочка моя милая... — прошептала Яга, и её лицо мгновенно побледнело, став белым как полотно. — Бяду накликала. Ой, какую бяду-то...

Ведьма заметалась по комнате, хватаясь за голову и снова заговорив надрывным голосом испуганной старухи. Череп на её посохе в углу тревожно замигал ядовито-красным светом.

— Я же его поэтому в том доме и спрятала! Специально подальше от этого мира, с глаз долой, под замок навесной! Чтоб никто и никогда не нашел! — Яга запрыгала на месте, ругаясь на саму себя и кусая губы. — Вот же дура рыжая, ненадёжно спрятала! Проглядела! Вот мы и подписали себе приговор, девка ты любопытная, расхитительница гробниц недоделанная!

Мира растерянно переводила взгляд с прыгающей по избушке Яги на маленькое зеленое колечко, мирно лежащее на столе. Напряжение в воздухе стало таким плотным, что его можно было трогать как вату.

— Да что не так с этим кольцом?! — не выдержала Мира, чувствуя, как к горлу снова подступает паника.

Яга резко остановилась, тяжело дыша, и посмотрела на неё взглядом, полным искреннего, глубокого ужаса.

— Ох, девочка, это колечко самого Кощея... Предложение как-то он сделал девке смертной. А та послала его куда

подальше, прихватив из его убежища драгоценностей целую охапку. А колечко это — помолвочное. Я ж его специально спрятала, чтобы он не нашел его! Чтоб в мир Яви не пробрался и не почуял душу ту погибшую. Тут она скитается теперь, девка-то эта. Померла, как только вернулась домой — занесло её, колечко-то это, прямо в обрыв, в пучину морскую вместе с остальными украшениями. А колечко я перехватила и спрятала в том домике. Кто ж знал, что в ту местность потащит людей?! Любопытные вы носы! Там же бурьяны какие, тайга, леса... Ох же бяда-а-а...

— А бяда-то в чём? — упавшим голосом отозвалась Мира. Она несмело протянула руку, взяла маленькое зеленое кольцо со стола и покрутила его в руках. — Ну кольцо. Померла и ладно. Что будет, если он душу её найдет? Может, уж нашел и без кольца?

— Да на кой ему уже эта душа, дурёха! — Яга подскочила к столу и злобно вырвала кольцо из пальцев Мира. — Тебя он уже хочет, девочка моя! Как взяла в ручку свою, да отмыла, так сразу егошней и стала! Считай, конец тебе холостяцкой жизни! Ох же бяда... Как же мне тебя вышвырнуть-то обратно?

Мира ошарашенно вытаращила глаза, чувствуя, как внутри всё окончательно леденеет. Жена Болотника — это была лишь шутка, но перспектива стать суженой самого Кощея из-за какого-то старого украшения пугала до усрачки.

— Значит так! — Яга громко стукнула своим массивным

посохом по деревянному полу. — Без меня из избышки ни шагу, поняла? А ты! — ведьма строго задрала голову вверх, окликаая сам дом. — Не дай боже дверь ей отворишь, я тебя на суп пущу!

Избушка в ответ на угрозу испуганно кудахтнула где-то под крышей и слегка покачалась с боку на бок, заставив свечи на полках тревожно замигать.

— То-то же, поняла меня, — удовлетворенно буркнула Яга. — Девку береги, пока выход не найдем.

Ведьма стремительно развернулась к столу, лихорадочно пошвырялась в груди принесенных Мирой речных камушков и выудила один — самый невзрачный, серо-зеленый, покрытый защитными рунами. Не спрашивая разрешения, Яга бесцеремонно схватила Миру за брусничный сарафан и пихнула этот камень прямо в потайной кармашек, скрытый на груди под плотной тканью.

— Чтобы не потеряла, ясно? Скроет тебя от Кощея, морок на его ищек наведет.

Яга тихонько стукнула опешившую Миру костяшками пальцев прямо в лоб, отчего та смешно зажмурилась.

— Археолог! — всплеснула руками черноволосая ведьма, в сердцах сплюнув на пол. — Тьфу ты!

И ровно в секунду, когда эхо от стука посоха затихло, в тяжелую дубовую дверь избышки кто-то трижды, уверенно и невероятно громко постучал. Свечи мгновенно вытянулись вверх тонкими струйками синего пламени, а Яга замерла,

медленно поворачивая голову к порогу.

Глава 9.

Яга судорожно поправила свои роскошные черные волосы и резко обернулась к замершей Мире. Её карие глаза горели лихорадочным блеском.

— На печь! Живо! — яростно прошипела ведьма, указывая пальцем на побеленный бок жарко натопленного великана.

Мира дважды повторять не заставила. Сердце испуганно ухнуло куда-то в пятки. Она сорвалась с места, отчаянно путаясь непривычно ногами в тяжелом брусничном сарафане, и буквально взлетела по деревянным ступенькам на лежанку печи. Натянув плотную холщовую шторку, Мира забилась в самый дальний, темный угол, прижала колени к груди и затаила дыхание, превратившись в слух. Нагретый кирпич приятно грел спину, но внутри её всю колотило от страха.

Заскрипели тяжелые половицы. Яга подошла к порогу и с грохотом распахнула скрипучую дубовую дверь.

— Кого тут притащило на ночь глядя?! — с ходу пошла в атаку ведьма, мгновенно включив свой фирменный старушачий хрип. — И какой бессмертный камикадзе посмел преодолеть мой забор?! Черепам на колышках совсем делать нечего, кроме как моргать тут мне, как неисправная гирлянда?!

На пороге послышался глухой, уверенный шум шагов. Яга

тут же возмущенно запричитала:

— А ну стоять! Куда прёшь в грязных лаптях на чистые половицы?! Наглец!

— Здравствуй, Ядвига, — раздался в ответ потрясающий мужской голос.

У Миры на печи от этого звука по коже побежали мурашки. Голос был невероятно глубоким, бархатным, с легкой, манящей хрипотцой, от которой внутри всё почему-то сладко затрепетало. В этом голосе чувствовалась абсолютная, леденящая власть.

— Тьфу ты! За столько веков так и не научился элементарному этикету! — продолжала греметь Яга, загораживая проход. — Хоть бы постучал для приличия... Ах да, ты же постучал. Всё равно — разувайся, ирод!

Мужчина проигнорировал её причитания. Шаги уверенно двинулись вглубь избушки.

— Хватит цирка, Ядвига, — тихо, но веско произнес он. — Где девушка?

Яга фальшиво, слишком громко рассмеялась, театрально всплеснув руками:

— Какая еще девка, Кощеюшка?! Ты совсем на своей косяной почве сбрендил, чародей недоделанный? Нет у меня никакой девки! Сроду живой души в этих лесах не бывало. Я вот кольцо твое помолвочное только сегодня в старом тайнике нашла, сижу, люблюсь, грехи твои молодости вспоминаю. А ты примчался, коршун!

В избышке воцарилась тяжелая, звенящая тишина. А затем Мира отчетливо услышала глубокий, резкий звук — мужчина шумно втянул носом воздух, принюхиваясь к ароматам комнаты. Защитный серо-зеленый камень, который Яга сунула Мира в потайной кармашек на груди, внезапно стал невыносимо горячим, обжигая кожу сквозь рубаху. Магия амулета отчаянно пыталась спутать карты незваному гостю, маскируя запах карамели и живого тепла.

Тяжелые шаги стали раздаваться уже совсем близко от печи. Мира сжалась в комок, молясь всем известным богам археологии.

— А ну, куда прешь, скелет дряхлый?! — грозно прикрикнула Яга, бросаясь наперерез.

Но было поздно. Раздался резкий шуршащий звук, и плотная холщовая шторка на печке взлетела вверх, сорванная властной рукой.

Мужчина смотрел прямо на лежанку, но его грозовой взгляд скользил мимо. На печи никого не было.

Яга, ожидавшая увидеть провал, сама удивленно округлила карие глаза и принялась оглядываться по сторонам, не понимая, куда делась девка. Впрочем, ведьма быстро взяла себя в руки и победно подбоченилась.

Мужчина тяжело, разочарованно выдохнул. Медленно, с хищной грацией он развернулся всем телом к замершей Ядвиге. Мира сквозь щелку в шторке наконец смогла разглядеть его: это был невероятно, до умопомрачения красивый

статный брюнет с аристократичной бледностью и глазами цвета грозового неба, в которых плясали опасные искры. Сейчас на нем был простой темный кафтан, скрывающий его леденящую ауру правителя, но величие чистокровного мага Нави спрятать было невозможно.

Он прищурился, и его бархатный голос прозвучал как смертный приговор:

— Долго ты её не спрячешь, Ядвига. Морок падет. А если не отдашь её мне по-хорошему... обеих удавлю.

Ядвига, вопреки смертельной опасности, лишь демонстративно уперла руки в бока и громко, издевательски фыркнула:

— Удавит он! Ты погляди на него, Отелло костяной! Я тебе курица, что ли, душить меня тут собрался?! Совсем на старости веков сбрендил, мухомор ты сушеный, всё о любви великой думаешь! Послушай, Кощей, ну какой тебе опять смертные девки, а? Мало тебе одну такую погубил, мало грехов на душу взял?!

Царь Нави от этих слов лишь сильнее нахмурился, и в избушке ощутимо похолодало — на стеклах мутного оконца мгновенно зазмеились тонкие узоры инея. Мира, замерев в своем укрытии, сквозь узкую щелочку холщовой шторки во все глаза поглядывала за этой семейной перепалкой древних духов. Сердце колотилось прямо в горле.

— Это другое, — глухо процедил Кощей, и в его бархатном голосе звенящим эхом прозвучала вековая боль.

В ту же секунду он резко обернулся прямо к печи. Мире на долю секунды показалось, что его грозовой, леденящий взгляд уставился прямо на неё. Их взгляды словно ментально схлестнулись в пространстве. В панике Мира юркнула влево назад, в самую тьму, и замерла, тяжело, прерывисто дыша и зажав рот ладонью.

— Как только научишь её жизни в Нави — я её заберу, — уже совершенно спокойным, но от этого еще более жутким и не терпящим возражений тоном проговорил Владыка.

— Да сбрендил ты, что ли?! — тут же окончательно рассердилась Яга, топнув ногой. — Чего ты ко мне привязался, коршун?! Нет её у меня, глаза разуй! Какую тебе еще девку надо? Вон, в деревню нашу сходи, там девок полно, выбирай — не хочу!

— Ты, сестра, наверно забыла, под кем ходишь? — прошипел уже по-настоящему грубо Кощей, делая шаг к двери. — Надо было сразу кольцо мне отдавать, а не прятать пограничных домиков. А раз оно её выбрало — то вовек ей быть моей.

— Да ты даже не знаешь, у кого просишь! — крикнула Яга ему вдогонку, отчаянно пытаясь поймать его на логике. — Может, вообще крыса какая лесная забрела в избушку да зубами твое кольцо нашла! Мне тебе крысу, что ли, во дворец тащить, свадебный пир на весь мир устраивать?!

Кощей еще раз замер у самого порога, медленно обернулся и окинул комнату пронзительным взглядом. Яга испуганно

проследила за траекторией его глаз, готовая в любой момент заслонить печь своим телом.

— Я тебя предупредил, — веско бросил Царь Нави.

Он резко развернулся и вышел из избушки, с такой силой хлопнув тяжелой дверью, что со стен посыпалась сушеная полынь, а свечи разом погасли, оставив комнату в полумраке.

Яга замерла на месте, медленно и тяжело выдохнула, словно сбросив с плеч неподъемную скалу. Воздух в комнате начал постепенно теплеть.

— Фух... Вылазь, — скомандовала ведьма уставшим голосом.

Мира тут же с шорохом высунула голову, но вовсе не из-за шторы лежанки, а из узкой, темной щели за печной трубой, прямо меж кирпичной кладкой и стеной избушки. Оказывается, в порыве дикого страха, спасая свою жизнь, хрупкая девчонка умудрилась втиснуться в такое крошечное пространство под самым потолком, куда обычный человек не поместился бы даже наполовину. Она сидела там, смешно поджав ноги в брусничном сарафане, обхватив руками печную трубу и выглядя как напуганный пепельный воробей.

Яга, обернувшись на звук, буквально вытаращила свои глаза от изумления. Она подошла ближе, разглядывая этот трюк:

— Батюшки... Вот ты мосол недоделанный! И как ты вообще поместилась-то тут, костлявая?! Туда же даже моя

кошка с трудом пролезает!

Мира, тяжело дыша, аккуратно зашевелилась, высвободив руки и ноги из узкого плена. Хлюпая промокшими носками, она кое-как вылезла на лежанку, а оттуда ловко спрыгнула прямо на деревянный пол избышки, едва не запутавшись в подоле.

Она испуганно оглянулась на мутное окно, за которым уже окончательно сгустились плотные, фиолетово-черные сумерки Нави. Но не успела она сделать и шага к столу, как прямо за стеклом, в тусклом свете забора, бесшумно промелькнул высокий мужской силуэт.

Мира испуганно пискнула и мгновенно юркнула спиной к стене, намертво вжимаясь в прохладные бревна избышки.

Яга тут же коршуном подскочила к окну, яростно вглядываясь в сумерки Нави сквозь подтаявший от узоров инея стеклянный диск. Но за стеклом уже никого не было — лишь забор из черепов продолжал уныло подмигивать разноцветными огнями.

— Ух, ирод проклятый! — в сердцах крикнула ведьма прямо в темное стекло, всплеснув руками. — Нашелся тоже мне, братец недоделанный! Царь костяной, гроза мышей подвальных! Напугал ежа своей короной! Притащу я тебе, вот увидишь, притащу дохлую крысу из погреба! Прямо на трон твой обсидиановый швырну, будешь знать, как девками приличными разбрасываться! Посмотрим тогда, как ты её под венец поведешь!

Мира, всё еще вжимаясь лопатками в прохладную стену, испуганно моргала своими огромными зелеными глазами, слушая этот безумный монолог.

Ведьма шумно выдохнула, немного остывая, подошла к столу и резким движением подхватила маленькое зеленое кольцо. Спрятав опасный артефакт глубоко в карман своего передника, она обернулась к притихшей гостье и уже нормальным, мягким голосом скомандовала:

— Так, археолог, отставить панику. Живо зубы на полку и спать! Время к полночи, у меня от вас, бессмертных эгоистов, уже мигрень начинается.

— А если он вернется? — тихо, с дрожью в голосе спросила Мира, кивая на окно.

— Не вернется, — отмахнулась Яга, уверенно поудобнее перехватывая свой посох. — Не бойся, я на избушку такой оберег пограничный поставлю — сам Чернобог не протиснется. Спи давай.

Мира послушно кивнула. Сил спорить или анализировать происходящее у неё просто не осталось — прагматичный мозг окончательно отключился от перегрузки. Она аккуратно стянула с себя влажные, пропитанные болотной жижей носки и, сиротливо оставив их у подножия печи, поползла вверх.

Забравшись на просторную, пахнущую теплым кирпичом и сушеной ромашкой лежанку, Мира укуталась в тяжелое, невероятно уютное пуховое одеяло. Холщовую шторку она

зашторивать не стала — ей было жизненно необходимо видеть всё пространство избушки, подмигивающие свечи и ворчащую у стола Ягу, которая служила хоть какой-то гарантией безопасности.

Едва голова Мирославы коснулась мягкой вышитой подушки, как веки налились свинцом. Усталость от падения сквозь миры, бешеногоспротивления Болотнику, интимной близости на осоке и пугающего, ледящего визита самого Кощея навалилась на неё тяжелой плитой. Мира закрыла глаза и мгновенно, без задних ног, провалилась в глубокий, спокойный сон, окутанная спасительным теплом избушки.

Утреннюю тишину избушки безжалостно разорвал громкий, настойчивый стук в дверь. Мира завозилась под тяжелым одеялом, сначала решив, что это Алина колотит в стенку палатки, требуя встать на завтрак. Но в следующую секунду она резко распахнула глаза. Бревенчатые стены, пахучие пучки полынно-ягодных трав под потолком, жарко нагретая печь — реальность Нави мгновенно обрушилась на неё.

Судорожно выдохнув, Мира свесила босые ноги с печи и испуганно огляделась. Яги в избушке не было. Зато в дверь продолжали упорно и требовательно барабанить. Дрожа от страха и путаясь в подоле сарафана, Мира сползла на пол и на цыпочках направилась к порогу. Сердце колотилось в горле. Боясь увидеть там грозные глаза Кощея, она аккуратно,

на пару сантиметров приоткрыла скрипучую створку.

Дверь тут же распахнулась настежь, ив избушку буквально завалилась Яга. Она едва тащила в руках огромную, неподъемную плетеную корзину, доверху забитую свежими лесными травами, пахучими грибами, ягодами и какими-то свертками. С громким «Ух!» ведьма выгрузила всё это богатство прямо на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.